

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ОЛЕННЫЙ КАМЕНЬ С РЕКИ ИВОЛГИ

Во времена Геродота перед обитателями греческих городов на юге России простиралась необозримая страна, заселенная разнообразными племенами. За хорошо известными грекам соседними областями скифов лежали менее известные, а еще далее на север и восток от Черного моря — степные просторы, сведения о населении которых расплывались в тумане мифологических представлений и легенд.

Археологические исследования, развернутые в отдаленных степных районах Азиатской части Советского Союза, в том числе к востоку от Байкала, показали, что область распространения культуры, очень сходной по внешности со скифской, но принадлежавшей совсем другим по их этническому составу племенам, охватывала в первом тысячелетии до нашей эры и эти пространства.

Как оказалось, на степных пространствах от Байкала вплоть до реки Желтой находился целый мир степных скотоводов, образ жизни и культура которых в ряде характерных специфических деталей близко напоминали быт и культуру скифов Причерноморья.

Среди вещественных памятников, оставленных этими древними скотоводческими племенами в степях Внутренней Азии, особое место принадлежит оригинальным каменным изваяниям — оленным камням, издавна привлекавшим внимание исследователей своими монументальными размерами и оригинальными изображениями. Одному из таких изваяний и посвящена настоящая статья. Оно, как мы увидим, вполне заслуживает такого внимания, потому что позволяет раскрыть ряд любопытных черт самобытной культуры и своеобразного исторического пути, пройденного племенами бронзового века Забайкалья, строителями «плиточных могил» и современниками причерноморских скифов.

* * *

Почти сто лет назад известный исследователь древностей Забайкалья Д. П. Давыдов¹, член-сотрудник сибирского отдела Русского

¹ Дмитрий Павлович Давыдов, сибиряк родом, был учителем в Якутске, Троицкосавске и Верхнеудинске. Известен своими метеорологическими и геотермическими исследованиями в Якутске, результаты которых были опубликованы А. Ф. Миддендорфом, а также этнографическими и археологическими работами. Ему принадлежит поэма «Волшебная скамеечка», сюжет которой навеян бурятским фольклором. См. Сиб. советская энциклопедия, т. 1, стр. 765; Ф. А. Кудрявцев. Забытый сибирский поэт Д. Давыдов. Сиб. лит. краеведч. сборник, Иркутск, 1928; Я. Н. Ходукин. Верхнеудинский смотритель училищ Д. П. Давыдов как работник по учебной части. «Сибирская летопись», 1917, № 1—2, стр. 35—38.

географического общества, обнаружил вблизи города Верхнеудинска (ныне г. Улан-Удэ, столица Бурят-Монгольской АССР) замечательный памятник далекого прошлого Забайкальских степей.

Это была большая каменная плита, находившаяся между Иволгинской и Ключевской станциями по тракту из Верхнеудинска в Селенгинск, в 22 верстах к югу от Верхнеудинска¹.

16 июня 1856 г. Д. П. Давыдов совершил специальную поездку к тому месту, где им была найдена эта плита, вместе с художником Сибирского отдела РГО Смирновым, который, должно быть, и зарисовал ее на месте. В пояснении к рисунку Смирнова Д. Давыдов сообщал, что «начертания на этой плите, сходные с теми, которые осмотрены мною на Санном мысе (о чем замечено ниже), и еще более то обстоятельство, что они нарезаны не только по обеим широким плоскостям, но и по самым ребрам, заставляет думать, что плита была предназначена к поставке на узкий нижний конец (подобно тому, что это сделано на Санном мысе), но почему-то работа не была исполнена, ибо нет вблизи никаких признаков необходимого для того укрепления»².

Не ограничиваясь осмотром и зарисовкой плиты, Давыдов решил произвести на месте, где она лежала, раскопку: «Мы опрокинули плиту с большими усилиями. В углублении под нею разобран щебень и на поларшина от поверхности земли найден лошадиный остов без головы, вместо которой оставлено лишь несколько задних зубов. Никаких признаков сбруи здесь не найдено. Под остовом продолжали разрывать землю, чтобы удостовериться, нет ли чего ниже, и кончили работать, когда было слишком ясно, что далее почва нетронута. Можно думать, что остов лошади был основанием предполагавшегося к постройке маяка, почему-то неотделанного, тем более что самая засыпка остова как бы не окончена. Тут, вероятно, хотели поставить так наз. писаную плиту»³.

О дальнейшей судьбе плиты Давыдов ничего не сообщает. Однако в литературе имеются определенные указания на факт перевозки ее в Иркутск, где она была сдана в Иркутский музей, принадлежавший местному отделу РГО⁴.

Приложенный к статье Давыдова в «Записках» Сибирского отдела РГО рисунок верхнеудинской плиты, очевидно, и есть тот самый, который сделал на месте Смирнов в 1856 г. Несмотря на всю схематичность и условность, рисунок Смирнова не оставляет сомнения в том, что обнаруженная Давыдовым вблизи Иволги плита была настоящим «оленным камнем», и при этом тем самым, который действительно находится сейчас в садке Иркутского музея.

Кроме того, Д. Давыдов обнаружил и впервые описал еще один аналогичный по орнаментации камень, на этот раз в долине р. Уды, на Санном мысу. Ему, бесспорно, принадлежит, таким образом, честь открытия и первого научного описания оленных камней Забайкалья. Ему же, по видимому, принадлежит и заслуга спасения для науки Иволгинского камня.

¹ Д. Давыдов. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Верхнеудинского округа Забайкальской области. Зап. Сиб. отд. Русск. географ. о-ва, 1856, кн. 2, отд. 1, стр. 89—101.

² Там же.

³ Там же.

⁴ А. К. Кузнецов. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, т. XXIV, № 2, Иркутск, 1893, стр. 12.

Доставленная в Иркутск плита с изображениями была затем издана Говью в 1912 г. Г. Аппельгреном-Кивало, который писал, что во дворе Иркутского музея стоит каменный столб, на котором изображено четыре загородных оленя, выполненных в иной технике и в другой стилистической манере, чем изданные в «Inscriptions de l'Jenissei» фигуры оленей с камня из Уюк-Аршана и с писаных скал в Сулеке. В то время как олени из Уюк-Аршана и из Сулека выбиты ямками и имеют более или менее реалистический характер, писал Аппельгреном-Кивало, фигуры оленей с камня Иркутского музея гладкие и имеют сильно стилизованный облик: торды их чрезмерно длинные и узкие, ноги слишком короткие, а рога напоминают орнамент. Сближая Иркутский камень с аналогичными памятниками из северо-западной Монголии, опубликованными Гранэ, Аппельгреном-Кивало видел в их стилистических особенностях влияние китайского «*Wolkenbandmotiv*» ханьского времени. Там же, в китайских надгробных рельефах ханьского времени, он находил аналогию по техническому выполнению Иркутскому камню, полагая, что развитая стилизация дает право датировать его примерно первыми веками нашей эры¹.

Зарисовка (все же не точная) Иркутского камня, изданная Аппельгреном-Кивало, и все его соображения о стиле и возрасте этого памятника, не выдерживают критики в свете современного научного знания. Обратимся к самому оригиналу, который вполне заслуживает специальной публикации не только потому, что является, как сказано выше, одним из наиболее интересных памятников данного рода, но еще и потому, что ни один из оленных камней до сих пор не был издан и описан полностью. Нет также и соответствующей современным требованиям общей сводки, хотя оленные камни вполне ее заслуживают².

Иволгинская плита, как лучше называть ее по первоначальному местонахождению, имеет в длину около 3,5 метра. Из них на орнаментированную надземную ее часть приходится 2,9 метра. Ширина ее равна в среднем 90 сантиметров, толщина — 19—20 сантиметров. Изготовлена она из одного куска мелкозернистого розового забайкальского гранита, а не из песчаника, как полагал Давыдов (рис. 1). Гранит этот очень тверд и прочен, что потребовало, несомненно, больших и длительных усилий для его обработки, но вместе с тем обеспечило редкую сохранность высеченного из него памятника. Имеющиеся на нем углубленные рисунки настолько отчетливы и ясны, что только единообразный цвет всей поверхности камня и степень ее выветренности говорят о глубоком возрасте этого памятника.

По своей форме камень представляет собой массивную плиту с характерно скошенной наискось, к одному краю вершиной. Благодаря этому он слегка напоминает саблю или даже грубо стилизованную плоскую фигуру гигантской рыбы. Сходство с рыбой, кстати, увеличивается наличием в самом углу вершины камня, с одной стороны его, большого высеченного круга, напоминающего глаз, а с другой стороны — широкой дуги, напоминающей жабры. Но такое сходство может быть случайным.

¹ Н. Appelgren-Kivalo. Vogelkopf und Hirsch als Ornamentsmotive in der Vorzeit Sibiriens. «Finnisch-ugrische Forschungen», т. XII, 1912. Аппельгреном-Кивало опубликовал рисунок только одной, лицевой, стороны камня. Еще раз этот рисунок был повторен А. М. Тальгренем в его обзорной статье о наскальных изображениях Северной Азии (А. М. T a l l g r e n. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures. ESA, VIII, 1933, стр. 191, рис. 24—27). Тальгреном, вслед за Аппельгреном, ошибочно относит оленные камни к эпохе переселения народов (там же, стр. 194).

² Составление подобной сводки для оленных камней потребует больших усилий, что объясняется их распространением в обширных степных пространствах.

Обе широкие плоскости Иволгинской каменной стелы, а также оба ее боковых ребра почти сплошь покрыты тщательно выбитыми, углубленными изображениями со сглаженной, лишь слегка шероховатой поверхностью, отчетливо выделяющимися на ровном возвышенном фоне камня. Глубина высекания на всех изображениях почти совершенно одинакова: она равна примерно 0,4—0,3 сантиметра. Техника высекания слегка напо-

Рис. 1. Иволгинский камень, передняя сторона

минает тонкую точечную ретушь неолитического времени и, может быть, выполнена тем же способом.

Тщательность работы, уверенность рисунка и совершенство форм изображений ставят Иволгинскую стелу в ряд лучших художественных произведений среди археологических памятников Забайкалья.

На передней стороне плиты изображены три большие фигуры оленей, симметрично расположенные одна над другой в одинаковых позах (рис. 2). Все эти три фигуры располагаются наискось поперек камня с вытянутой вверх головой и, соответственно, опущенной вниз нижней частью, как бы в позе полета. Трактованы они в общем тоже совершенно одинаково, хотя и отличаются друг от друга некоторыми незначительными деталями.

Самая крупная из трех фигур помещается в верхней части плиты. Олень изображен здесь в профиль в своеобразной, стилизованной форме. У него длинное узкое туловище и такая же длинная, вытянутая вперед, плавно изогнутая шея. Она отделена от туловища оленя острым треугольным выступом на спине, условно изобража-

ющим характерный горб над лопатками. Зад животного округлый, из него торчит короткий типично олений хвостик. На голове животного особенно резко и отчетливо выделяется непропорционально большой глаз, изображенный в виде миндалевидного углубления, окаймленного таким же миндалевидным валиком. Морда зверя поражает странной стилизацией. Чрезмерно узкая и длинная, раздвоенная почти во всю свою длину, она напоминает клюв какой-то фантастической птицы.

Зато рога у зверя — характерные олени, ветвистые и пышные. Изображено на этой фигуре два, они как бы развернуты на плоскости камня рядом друг с другом. Один рог круто поднимается над головой и телом животного, усаженный сверху изящными завитками. Второй рог расположен под первым и доходит до конца спины. Острому выступу на спине животного соответствует изгиб рога, подчеркивающего своими изгибам

очертания тела оленя. У первого, верхнего, рога впереди выступают два дугообразно изогнутых тонких отростка, больше всего напоминающих аналогичные отростки на рогах северного оленя (*Rangifer tarandus* L.). Под нижним рогом видно ухо животного, узкое и длинное, напоминающее по форме ивовый лист.

Внизу у фигуры имеются два выступа, условно изображающие ноги. Передний выступ почти треугольный, обращенный прямо срезанным широким основанием вниз. Сзади довольно реалистично изображены сильно выпуклое бедро и тонкая нога, слегка закинута назад.

Наиболее резкой отличительной особенностью этого изображения оленя является одна его деталь: у основания верхнего рога, в передней его части, выступает наклонно вверх узкий, расширенный в средней части стержень, заканчивающийся правильным, глубоко выбитым в камне контурным (желобчатым) кругом.

Второй олень, находящийся под первым, имеет только один рог, точно так же ветвистый, с пятью округлыми завитками.

Третий олень во всем повторяет второго, с той разницей, что задняя нога у него показана почти полностью.

Слева, в самом низу, под третьим оленем изображен еще один, четвертый, неполная фигура которого заканчивается на уровне плеча. У него имеется один волнисто изогнутый рог с завитками. Незаконченность этой фигуры объясняется, несомненно, тем, что она была предназначена заполнить оставшееся внизу свободным пространство.

Справа, на небольшом пространстве также размещена фигура оленя, на этот раз с очень тщательно оформленными длинными, характерно подогнутыми ногами, напоминающими ноги известных «лежачих» скифских и скифо-сибирских оленей. Туловище оленя длинное, выгнутое кверху, с острым горбом над лопатками. Морда оленя трактована так же, как на больших фигурах; рога сделаны не полностью, так как для них не хватило места (они припились на самом краю плиты).

Слева и справа над каждой из этих дополнительных оленьих фигур по краям плиты помещено по одной небольшой фигуре животного, на этот раз уже не оленей, а стилизованных лошадок. Фигуры их тоже даны со своеобразно подогнутыми ногами.

У обеих фигур изображены поднятые вверх дугообразные шеи и длинные, неуклюжие головы, раздвоенные на конце, подобно оленьим, но по

Рис. 2. Изображения на Иволгинском камне.

а — передняя сторона плиты; б — правый боги плиты

узкие, а широкие. У одной фигурки хвост короткий, у другой длинный. В обоих случаях особо выделены выпуклые округлые бедра задних ног. Одна лошадка при этом обращена головой вверх, у второй (соответственно наличному пространству) голова опущена вниз.

Над последней фигурой с левой стороны плиты высечен пятый олень небольшого размера. В соответствии с наличным пространством животное изображено в необычной позе. Туловище его приподнято наискось вверх, ноги круто подогнуты и как бы вложены одна в другую. Голова обращена назад, потому что другого места для нее не осталось. Рога не закинута, как положено, на спину, а поднимаются по прямой линии вверх, причем их завитки тоже торчат кверху.

Почти в такой же позе изображена и шестая фигура оленя небольшого размера, расположенная слева на самом краю плиты между верхним и средним большими оленями. В отличие от всех остальных, она не выбита сплошь, а сделана контурной желобчатой полосой. Ноги животного согнуты под прямым углом и направлены вперед, голова обращена назад, морда длинная, раздвоенная на конце. На голове отчетливо виден круглый глаз. Рога оленя пышные, поднимаются кверху вдоль самого края плиты. Весь этот рисунок, несмотря на небольшие размеры, отличается от всех остальных до некоторой степени реалистичностью, — он не так резко стилизован. Эта его особенность наиболее четко видна в трактовке головы, более пропорционально очерченной, отчасти напоминающей реалистические скульптуры и рисунки неолитического времени.

На противоположной широкой плоскости плиты (рис. 3) в той же технике и манере изображены две боль-

Рис. 3. Изображения на Иволгинском камне.

а — задняя сторона плиты; б — левый бок плиты

шие фигуры оленей, еще более крупные, чем описанные выше, занимающие в целом столько же места, сколько занимают три фигуры на передней стороне плиты. Вверху изображен такой же олень с двумя ветвистыми и волнообразно изогнутыми рогами, как и верхний на передней стороне. Он отличается от последнего только более пышными рогами и отсутствием выступа с кругом в их основании, а также наличием второго уха, расположенного в промежутке между двумя рогами.

Детальнее оформлена здесь и задняя нога оленя, тогда как передняя стилизована в виде короткого выступа — трапеции. У нижней большой фигуры оленя здесь изображен только один рог, но зато вместо двух крупных острых выступов спереди изображен второй небольшой верхний рог с четырьмя выступами, для которого не хватило места под верхней фигу-

рой. Нижняя часть туловища данной фигуры срезана, так как в этом месте начинается основание плиты, уходящее в землю, а потому и оставленное без изображений.

Справа, внизу, у края плиты имеется передняя часть фигуры оленя. Нижняя часть отсутствует по той же причине, как и соответственная часть большой нижней фигуры оленя.

Непосредственно над ней помещается изображение предмета в виде длинной, слегка искривленной, рукоятки, из которой перпендикулярно выступает что-то вроде длинного клинка кельта или боевого топора. Клинком это изделие обращено к морде большого нижнего оленя. Вдоль шеи верхнего большого оленя размещена четвертая фигура оленя. Поза этого оленя в точности повторяет позу двух описанных выше аналогичных фигур, расположенных в левой части вдоль края противоположной широкой стороны плиты с тем различием, что этот рисунок выполнен более детально и крупнее.

Туловище животного изображено поднятым наискось вверх, голова его повернута назад, морда раздвоена, как бы расщеплена, почти во всю длину пополам. Задняя нога изогнута дважды — сначала в бедре, а затем в колене; передняя согнута наружу. Над головой оленя поднимается вверх длинный волнистый рог с отходящими от него пятью округлыми завитками.

В самом верху высечены глубоким и широким желобком два круга, малый вверху и большой внизу, окаймленные снизу такой же желобчатой линией в виде широкой дуги, похожей, как уже говорилось выше, на стилизованное изображение жаберной щели рыбы.

Изображения на боковых гранях плиты, о которых упоминал в свое время Д. Давыдов, сохранились столь же отчетливо, как и все остальные. Они располагаются двумя узкими длинными полосами снизу вверх, от подножья до вершины камня. Вдоль короткой, т. е. правой грани плиты (если считать лицевой стороной ту ее плоскость, на которой изображены три большие фигуры оленя), размещены три оленя и пятиугольная фигура (рис. 3, б). Внутри пространство этой фигуры заполнено поперечными линиями в виде углов, повторяющих острый выступ наверху.

Все три оленя этой боковой грани Иволгинской плиты изображены одинаково. Фигуры их поставлены вертикально, одна над другой. Трапезка их в основном такая же, как на оленьих фигурах с широких плоскостей плиты. У всех узкое изогнутое туловище с подчеркнутым выступом над лопатками, птицеобразная морда и рога с завитками, далеко закинутые над спиной животного. Самая верхняя фигура не вошла полностью на плоскость ребра; мастер не рассчитал размеров рисунка и слишком широко распределил рога. Поэтому он не смог изобразить ноги и всю нижнюю половину туловища оленя; точно так же не удалось ему изобразить и переднюю ногу среднего оленя, потому что в этом месте крутой выгиб шеи животного пришелся на краю ребра плиты.

На противоположной узкой грани плиты (рис. 2, б), в самом низу ее, изображен предмет в виде широкой поперечной полосы, от которой спускаются к полу два крючкообразных выступа.

Над этим предметом слева изображен кинжал с характерными выступами в виде шипов у эфеса и наверху в виде асимметричного округлого выступа.

Рядом с кинжалом виден предмет в виде вертикальной полосы, расширенной вверху и суженной внизу, но заканчивающейся небольшим расширением справа.

Еще выше, справа от рукоятки кинжала, изображен предмет, напоминающий топор с массивной рукоятью и коротким клинком, торчащим из рукоятки в виде выступа с округлым концом. Над кинжалом и «топором» имеется изображение лука со стрелой (рис. 4), а над ним — сплошь выдолбленный внутри диск правильной круглой формы.

Диск, очевидно, изображает круглое металлическое зеркало. Об этом свидетельствует как весь комплекс бытовых вещей, в связи с которым оно находится, так и сплошная выбивка всей поверхности изделия, подчеркивающая его отличие от символических кругов, имеющих в верхней части плиты и обозначенных условно только лишь простыми желобками.

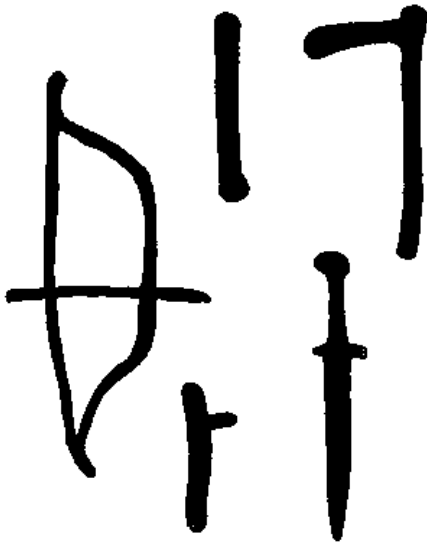

Рис. 4. Предметы вооружения на Иволгинском камне

В самом верху помещена фигура оленя, в том же положении, как и малые оленьи фигуры на противоположном ребре плиты, т. е. вертикально. Она отличается от них, однако, большим размером. Передняя нога оленя не изображена, рог с завитками лежит над спиной животного, во конец его отсутствует; мастер просто не закончил его.

* * *

Иволгинский «оленный камень» — один из многих, которые широко распространены в степях Забайкалья (долина р. Селенги, бассейн р. Онона), а также в Тувинской автономной области (в верховьях Енисея) и в Монгольской Народной Республике.

«Оленные камни» (хусээ-чоло или кошо-чило, т. е. «овечьи камни», как их называют местное население) неоднократно отмечались в литературе.

В трудах различных путешественников, преимущественно русских, имеются довольно многочисленные воспроизведения оленных камней, в том числе хорошие фотографии, дающие достаточно наглядное представление об их общей форме, а иногда и о некоторых существенных деталях.

Как видно из этих данных, оленные камни, т. е. одиночные камни с изображениями оленей или камни, так или иначе сближающиеся с ними по тем или иным характерным изображениям, могут быть условно, — если оставить в стороне многочисленные переходные образцы, — разделены на три группы.

В первую входят круглые в поперечном сечении, т. е. цилиндрические, столбы. Во вторую входят столбы прямоугольные в сечении, иногда с округленными гранями. В третью должны быть выделены широкие плиты, иногда с косо срезанной вершиной, о которых Г. Н. Потанин в свое время писал, что ими представлена довольно широко распространенная «бритвообразная, кверху расширяющаяся форма кишачило со скошенным верхом»¹.

¹ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1867—1877 гг. по поручению Русского географического общества, вып. II, Материалы этнографические. СПб., 1881, стр. 71.

Именно к этой последней группе и относится Иволгинский олений камень.

Имеющиеся на нем изображения обычны и традиционны для оленных камней Монголии и Забайкалья. Они повторяют при этом в отдельных своих стилистических чертах также и некоторые наскальные изображения. Таковы, например, замечательные рисунки на скалах в районе Ихэ-Алык и Нэмэхэ в Северной Монголии, где изображены олени с характерно согнутыми ногами и рогами из пышных завитков¹. Почти совершенно такие же фигуры оленей имеются и далеко на юге Монгольской Народной Республики, в районе Хобдо-Сомона².

В ряде случаев на скалах Монголии есть изображения оленей с двумя рогами, такие же, как самая крупная верхняя фигура оленя на лицевой стороне Иволгинского камня.

При всем том, однако, изображения оленей на писаницах трактованы обычно в более свободной манере, без той стилизации, которая отличает их на оленных камнях. С другой стороны, на писаницах Монголии часто встречаются фигуры оленей, близкие к изображениям на оленных камнях по своей позе, а также по трактовке рогов завитками, но в то же время и резко отличные от них благодаря наличию орнаментальных спиралей внутри туловища оленей.

Можно говорить, следовательно, только о каком-то общем совпадении изображений оленей на писаницах с такими же фигурами на оленных камнях, но не о полном их тождестве.

Стилизованные изображения лошадей на оленном камне с р. Иволги, в свою очередь, тоже обычны для памятников этого рода из других мест, причем их фигуры даны в совершенно одинаковом стилизованном виде, таком же в общем, как на Иволгинском камне³.

На оленных камнях повторяются и другие изображения, имеющиеся на Иволгинской стеле. Сюда в первую очередь следует причислить круги, высеченные на обеих широких плоскостях Иволгинского камня. Как и во всех других аналогичных случаях, эти круги изображены на самой верхней части камня.

При этом, однако, обращают на себя внимание два обстоятельства. На лицевой стороне нашего камня круг вырастает прямо и непосредственно из рогов оленя, и кроме того, стержень, на котором он изображен, напоминает боковую ручку зеркала, какие обычны в древностях нашего Причерноморья⁴. Зеркало на боковой длинной ручке было обнаружено и при раскопке Пазырыкских курганов в Горном Алтае⁵.

Не менее интересно, что на обратной стороне Иволгинского камня оказался не один круг, а целых два.

¹ «Северная Монголия», вып. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1927, табл. VIII; табл. IX, I.

² Наблюдения автора в 1949 г.

³ Г. Н. Потанин. Ук. соч., табл. XV; р. G. G r a n ö. Archaeologische Beobachtungen von meinen Reisen in der Nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907. «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», XXVI, Helsingfors, 1909, табл. IX, рис. 30; его же. Archaeologische Beobachtungen von meinen Reisen in Südsibirien und der Nord-West-Mongolei im Jahre 1909. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXVIII, Helsingfors, 1910, табл. XVII, рис. a; Altaltaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. G. Aspelins Reise in Sibirien und der Mongolei 1877—1889, herausgegeben von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Helsingfors, 1931, рис. 331, а, б.

⁴ В. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, 1914, табл. X, рис. 4, 6, 8; табл. XI; табл. XIII, рис. 1, 4—7; табл. XIV, рис. 1—3.

⁵ С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган, Л., 1948, табл. XXIII, рис. 1.

В некоторых случаях такие же два круга, один поменьше размером, другой побольше, встречаются на оленных камнях в Монгольской Народной Республике, например на столбах из Даган-Дэла и в Хангае¹.

Широкая дуга под этими двумя кругами является вариантом обычных горизонтальных полос, как правило, отделяющих верхушку оленных камней с заключенными в ней кругами от всего остального покрытого орнаментом пространства. В некоторых случаях полосы эти имеют вид более или менее широких желобков, огибающих верхушку столба. Иногда же они бывают образованы тесно посаженными овальными углублениями, слегка напоминающими «жемчужный шнур». Таковы, например, понски на оленном камне Кяхтинского музея, а также на камнях в Хангае².

Обычной является также имеющаяся на Иволгинском камне загадочная фигура в виде пятиугольника, обращенного острием вверх и заполненного внутри поперечно расположенными линиями в виде углов. Этот рисунок на оленных камнях Монголии, так же как и на Иволгинской стеле, располагается обычно на узких боковых гранях, а не на широких поверхностях³.

Особого внимания заслуживают другие изображения на Иволгинском камне, тоже в ряде случаев повторяющиеся на прочих оленных камнях.

Сюда, в первую очередь, относится рисунок кинжала. Кинжалы, близкие по общему облику к нашему, изображены на оленном камне, опубликованном Гранэ⁴, а также на камнях, изданных В. В. Радловым в «Атласе древностей Монголии»⁵ и Апфельгреном-Кивало⁶.

Тщательно сделанный рисунок кинжала имеется на оленном камне, хранящемся ныне в Кяхтинском краеведческом музее им. В. А. Обручева.

Во всех случаях здесь изображен кинжал определенного типа, такой же, как на Иволгинском камне, с широким двулезвийным клинком, отделанным крутыми плечиками, и перекрестьем эфеса от рукояти, завершеной округлым или, скорее, полулунным выступом. Эти черты, наиболее резко выраженные на изображении кинжалов с эстампажа, изданного В. В. Радловым, сближают их более всего не с кинжалами поздних типов скифо-сарматского времени, т. е. не с настоящими акинаками, а с предшествующими им в Сибири карасукскими кинжалами или с непосредственно следующими после них кинжалами равнескифской поры.

Боевой топор, изображенный рядом с кинжалом на Иволгинской стеле, довольно близок в общем к топору, изображенному на рисунке, опубликованном В. В. Радловым, где он висит на ремешках или неревочках привязанный за середину⁷.

Загадочная фигура, изображенная в самом низу узкой грани Иволгинского камня в виде двух параллельных полос, дугообразно загнутых

¹ J. G. Гранё. *Archaeologische Beobachtungen... im Jahre 1909*, табл. XVII, рис. 3, а, с; табл. XIX, рис. 1, с.

² Там же, табл. XVIII—XIX.

³ А. Позднеев. *Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию в 1892—1893 гг.*, т. I, *Дневник и маршрут 1892 г.* СПб., 1896, стр. 230; *Altaltaische Kunstdenkmäler...*, рис. 227, 328, а; J. G. Гранё. *Archaeologische Beobachtungen... in den Jahren 1906 und 1907*, табл. 1; его же. *Archaeologische Beobachtungen... im Jahre 1909*, табл. XVIII, XIX; В. В. Радлов. *Атлас древностей Монголии*, вып. 2, СПб., 1892, табл. XXII, № 4, б; то же, вып. 3; табл. XCVI, № 3.

⁴ J. G. Гранё. *Archaeologische Beobachtungen... im Jahre 1909*, табл. IX, рис. 1; табл. X, рис. 34, а.

⁵ См. вып. 2, табл. XXIII-1.

⁶ *Altaltaische Kunstdenkmäler...*, рис. 324.

⁷ *Атлас древностей Монголии*, вып. 2, табл. XXIII-1.

на конце, возможно, в условной форме повторяет реалистически выполненное изделие, висящее на отмеченном выше поясе, изображенном на оленьем камне, изданном во втором выпуске «Атласа древностей Монголии». Г. П. Сосновскому посчастливилось обнаружить металлический оригинал такого предмета в одной из плиточных могил на горе Тапхар вблизи г. Улан-Удэ¹.

Второе изображение лука, если не считать опубликованного Гранэ налучья с торчащим из него верхним концом лука², имеется на Кяхтинском оленьем камне. Оба лука, с Иволгинского и Кяхтинского оленьих камней, по форме аналогичны друг другу. Это короткие луки, с широкой дугой. У кяхтинского рисунка отчетливо виден специфический прогиб лука в средней его части, соответствующий сложному, а не какому-либо другому типу лука. Перед нами, следовательно, типичный сложный лук конных воинов, известный по сообщениям античных авторов, «сигмовидный» лук скифского образца.

Мне неизвестны прямые аналоги только двум предметам, изображенным на Иволгинском камне; первый из них — зеркало, рисунок которого находится над фигурой лука, второй — изделие с длинной рукоятью и длинным, слегка наискось насаженным в ней клинком, изображенное на «задней» стороне плиты. По всем признакам этот рисунок тоже изображает боевую секиру, а может быть, и кельт (хотя в последнем случае непонятен выступ рукояти за клинком).

Как и все оленные камни, с которыми он сходен, Иволгинский камень характеризуется в стилистическом отношении особыми чертами. Черты эти проявляются, главным образом, в трактовке звериных фигур — оленьих и лошадиных. Иволгинский камень представляет собой памятник того своеобразного звериного стиля, которой не без основания получил наименование «скифо-сибирского звериного стиля». Для него в полной мере характерно специфическое сочетание своеобразно переработанных реалистических элементов с такой же своеобразной декоративной стилизацией.

Налицо здесь и устойчивые приемы декоративной стилизации, типичные для «скифо-сибирского звериного стиля»: оленьи рога, заброшенные на спину, с многочисленными завитками на них; характерным образом подогнутые ноги животных, загнутые и обращенные назад головы, манерно очерченные изящные фигуры животных.

Существенна и своеобразна общая композиция изображений на оленьих камнях. Древний мастер стремился заполнить всю без остатка полезную площадь камня своими рисунками. Изобразив на плоскости камня первую большую фигуру оленя (очевидно, сверху), он вплотную к ней набрасывал контуры второй такой фигуры, а затем третьей, как бы нанизывая их одну за другой.

Но и этого ему было недостаточно, так как кое-где еще оставались ничем не заполненные небольшие участки гладкого фона плиты. Обнаружив такие пустые места, где нельзя было поместить сколько-нибудь крупную фигуру, он снова заполнял их более мелкими изображениями, пока плоскость не оказывалась сплошь заполненной. При этом он с большой смелостью и находчивостью варьировал не только позы этих вставных малых фигур, но и самую их форму, то увеличивая, то сокращая их длину

¹ Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья, ТОИПК, т. I. Л., 1941, стр. 307.

² J. G r a n é. Archaeologische Beobachtungen... in den Jahren 1906 und 1907, табл. X, рис. 34.

или ширину, произвольно видоизменяя их пропорции, вопреки природе, как того требовали размеры оставшегося незаполненным пространства.

Стремясь втиснуть в орнаментальное поле как можно больше рисунков, оформлявший Иволгинский камень древний мастер не останавливался и перед тем, что ему приходилось обрезать фигуру оленя пополам, вдоль или поперек, или даже повернуть ее головой в обратную сторону.

Эти характерные черты композиционного построения многофигурного рисунка оленных камней обнаруживают общие черты с композиционными приемами скифских мастеров Северного Причерноморья в архаическую эпоху, точно так же заполнявших свободные места рядом с большими фигурами животных или даже внутри их малыми фигурами, позы которых и самые формы иногда не только стилизованы, но и модифицированы или деформированы вопреки природе (ср. изображения оленя из Куль-Обы, рыб из Феттерсфельда).

В более развитом виде те же композиционные приемы представлены в искусстве алтайских племен IV—V вв. до н. э., известном нам по замечательным находкам в Пазырыкских курганах¹.

Оленные камни Забайкалья и Монголии занимают здесь как бы промежуточное место. При всем том у них есть и резко специфические, глубоко своеобразные стилевые черты, своим постоянством свидетельствующие о длительном местном развитии и определенной самобытной струе, в развитии степного «зверинного» стиля в этом районе Азии. Таков, например, своеобразный прием стилизации морды оленя в виде раскрытого птичьего клюва, из-за которого С. К. Кузнецов считал фигуры на оленных камнях юго-восточного Забайкалья не оленями, а «пигалицами». Такова манера подчеркнутой передачи горба над лопатками оленя острым выступом. Сюда же следует отнести специфический прием передачи ног треугольными и трапециевидными выступами, нигде в других местах не применявшийся.

Учитывая все сказанное, мы можем уверенно датировать Иволгинский оленный камень временем около VII—V вв. до н. э. и синхронизировать его с ранними плиточными могилами Забайкалья, в инвентаре которых, несмотря на его скудость, имеются, бесспорно, карасукские пережиточные черты.

Таким образом, в соответствии с ранее высказанными Г. П. Сосновским взглядами на датировку оленных камней и плиточных могил, Иволгинский оленный камень следует отнести к числу памятников местного позднего бронзового века. Как известно, это время, первая половина первого тысячелетия до нашей эры, для Забайкалья и областей, расположенных по соседству с ним, было временем расцвета местной бронзовой культуры. Во всяком случае, если железо, может быть, изредка и проникло сюда в виде готовых изделий с запада, то оно еще не стало здесь основным материалом для изготовления орудий труда и вооружения, как это было в причерноморских степях. Даже в теснее связанной, очевидно, с западом Минусинской котловине появление железа сильно запаздывает по сравнению с Причерноморьем С. В. Киселев пишет, что введение

¹ Следует отметить, что по вопросу о датировке Пазырыкских курганов есть две точки зрения. Одни исследователи, в том числе С. В. Киселев, сближают их по времени с гуннскими памятниками. С. В. Киселев относит Пазырыкские курганы к III в. до н. э. (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 391). С. И. Руденко не считает возможным относить самые поздние Пазырыкские курганы ко времени, более позднему, чем IV в. до н. э. Я лично склоняюсь к датировке, предложенной С. И. Руденко (С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 258).

железа относится здесь ко времени появления бронзовых ромбических и ромбическо-шипастых втульчатых наконечников стрел¹.

Общезвестно и то, что высокая культура шан-иньского и чжоуского Китая была культурой не железного, а бронзового века.

* * *

Иволгинский олений камень интересен не только как яркий памятник искусства древних племен Забайкалья и Монголии, но и как свидетель их социальной истории, как памятник древних общественных отношений и идеологии.

Оставляя в стороне вопрос о смысловом содержании изображений на оленьих камнях, в принципе правильно поставленный в связи с толкованием значения оленьих фигур еще Г. Н. Потаниным, а за ним Гранэ, нельзя в этой связи не остановиться на предметах бытового характера, изображенных здесь полнее, чем на каком-либо другом оленьем камне.

На Иволгинской стеле, очевидно, почти полностью изображено личное снаряжение древнего степного воина: а) пояс со свисающими с него П-образным предметом; б) зеркало; в) лук со стрелами; г) колчан (?); д) два боевых топора; е) кинжал.

Весь этот набор показывает, что олений камень с р. Иволги имел значение могильного памятника или, во всяком случае, памятника, поставленного в честь определенного умершего лица.

Отсюда следует, что рисунки на камне как бы повторяли набор вещей, принадлежавших покойному и сопровождавших его в могиле. И действительно, имеющиеся в нашем распоряжении данные о плиточных могилах не противоречат такому предположению, а только подтверждают его.

В одной из могил около Улан-Удэ, меньше других пострадавшей от грабителей, уцелели кинжал, кельт, бронзовая трубка (оправа для древка копья?) и костяной наконечник стрелы. В другой могиле найдено бронзовое зеркало, в третьей — П-образный предмет, т. е. весь перечисленный выше набор вещей, изображенных на Иволгинском камне². Если бы не грабители, расхитившие содержимое плиточных могил, мы могли бы, вероятно, обнаружить, по крайней мере в некоторых из них, все эти вещи в качестве обязательного погребального ассортимента.

Но кто были эти древние воины, какое место занимали они в обществе, кем был, в частности, воин, в честь которого его соплеменники воздвигли вблизи нынешнего г. Улан-Удэ этот памятник, простоявший здесь, по крайней мере, две с половиной тысячи лет?

Мы знаем, что люди «эпохи плиточных могил» за Байкалом, в отличие от их предков и от лесных соседей, занимались скотоводством, а может быть, и земледелием. Мы знаем также, что они находились в каких-то связях с далекими странами. Об этом наглядно свидетельствуют, с одной стороны, общие черты их культуры с культурой степных племен Южной Сибири и Восточной Европы, со скифскими племенами Причерноморья. С другой стороны, имеются не менее определенные признаки их связей с древним Китаем, где в то время уже существовало зрелое государство и где тогда правила династия Чжоу.

Вряд ли можно сомневаться поэтому, что время первобытного равенства, время материнского рода в степных районах Забайкалья безвозвратно сменилось теперь временем патриархального рода, внутри рода появились

¹ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 193.

² Г. П. Сосновский. Ук. соч., стр. 273—308.

богатые и знатные семьи, возникла родовая и племенная знать, выделились воины — аристократы степных племен.

Плиточные могилы, требовавшие для их сооружения затраты большого труда и значительного количества рабочей силы, построенные нередко из огромных плит, доставленных издалека, служили, повидимому, кладбищами таких аристократических родов. Оленные же камни, в таком случае, должны были, очевидно, стоять при могилах наиболее выдающихся, самых влиятельных и сильных представителей знатных семейств.

Памятники бронзового века Забайкалья, таким образом, вплотную приводят исследователей к тому важнейшему, переломному в истории центрально-азиатских племен моменту, когда на смену первобытно-общинному, доклассовому обществу приходит классовое общество, а вместе с ним и государство, каковым, с моей точки зрения, является государство гуннов.
